

7. Равикович Д. А. Социальные функции и типология музеев // Музееведение. Вопросы теории и методики : сб. науч. тр. М., 1987. С. 10–24.
8. Гуральник Ю. У. Каким быть музеем будущего? (опыт социологического анализа) // Музееведение. На пути к музею XXI века: сб. науч. тр. М., 1989. С. 135–144.
9. Макдональд Дж. Музей будущего в «глобальной деревне» // Museum. 1987. № 155. С. 87–95.
10. Ромедер Ю. Методы и средства музейной работы: педагогика обслуживания отдельного посетителя в музее // Музейное дело и охрана памятников : науч. реф. сб. 1984. Вып. 1. С. 1–6.
11. Шрайнер К. Предмет исследования музееведения и происхождения дисциплины // Музееведение. Музеи мира : сб. науч. тр. / НИИ культуры. М., 1991. С. 39–50.
12. Разгон А. М. Общетеоретические вопросы музееведения в научной литературе социалистических стран // Музейное дело и охрана памятников: обзорная информация. 1984. Вып. 1.
13. Ян И. Музееведение как научная и учебная дисциплина и ее функции в естественноисторических музеях. История, современное состояние и теоретические основы // Музееведение и охрана памятников. Реставрация и консервация музейных ценностей : науч. реф. сб. 1981. Вып. 2. С. 13–19.
14. Странский З. Понимание музееведения // Музееведение. Музеи мира : сб. науч. тр. / НИИ культуры. М., 1991. С. 8–26.
15. Странский З. Музей, искусство и перспектива развития человечества // Музейное дело: музей – культура – общество: сб. науч. тр. М., 1992. С. 247–258.
16. Гнедовский М. Б., Колчанов В. М., Суринов В. М. О направлении разработки программы музееведческих исследований // Музейное дело и охрана памятников: обзорная информация. 1989. Вып. 2. С. 44–50.
17. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963. 824 с.
18. Беззубова О. В. Теория музейной коммуникации как модель современного образовательного процесса // Коммуникация и образование : сб. ст. СПб., 2004. С. 418–427.
19. Сапанжа О. С. Развитие представлений о музейной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 103. С. 245–252.
20. Hooper-Greenhill E. The educational role of the museum. London : Routledge, 1994. 346 p.
21. Арзамасцев В. П. О семантической структуре музейной экспозиции // Музееведение. На пути к музею XXI века : сб. науч. тр. М., 1989. С. 35–49.
22. Иксанова И. В. Опыт разработки модели регионального музейного объединения // Музееведение. Вопросы теории и методики : сб. науч. тр. М., 1987. С. 121–137.
23. Калугина Т. П. Художественный музей как феномен культуры. СПб. : Петрополис, 2001. 224 с.
24. Грегорова А. К основным проблемам музееведения // Музееведение. Музеи мира : сб. науч. тр. / НИИ культуры. М., 1991. С. 27–38.
25. Пшеничная С. В. «Музейный язык» и феномен музея // В диапазоне гуманитарного знания: Сборник к 80-летию профессора М. С. Кагана. Сер. «Мыслители», вып. 4. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/pshenichn/kagan_21.html (дата обращения: 01.03.2015).
26. Каган М. С. Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996. 416 с.

© Е. Ю. Смыкова

Ссылка для цитирования:

Смыкова Е. Ю. Теоретико-методологические подходы к изучению музея как социокультурного феномена // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский инженерно-строительный институт. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2015. № 1 (2). С. 27–38.

УДК 316.344.5

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА ЖИТЕЛЯМИ ГОРОДА И СЕЛА

В. А. Парамонова

Волгоградский государственный университет

Статья посвящена анализу коренных отличий города и населенных пунктов сельской местности: отмечаются количественные и качественные характеристики, присущие городу и селу; акцентируется внимание на наличии у любого населенного пункта временной и пространственной характеристик. Отличительным признаком города являются его протяженность и наличие «вертикалей». Отмечается коренное различие социального и физического времени. Подчеркивается неоднородность социального времени. Указывается различие «городского» и «сельского» времени. Город и сельские поселения по-разному сформировали отношение к астрономическому, физическому и социальному времени. Жизнь в городе не определяется природными циклами, а подчинена собственным ритмам. Пространства различных населенных пунктов «живут» по «своему» времени. Монументы в пространстве города предстают как определенные фиксаторы социального времени. Отношение ко времени формирует город как специфическую конструкцию.

Ключевые слова: социальное время, астрономическое и физическое время, социальное пространство, город, сельские поселения.

SPECIFICS OF TIME AND SPACE PERCEPTION BY URBAN AND RURAL RESIDENTS

V. Paramonova

Volgograd State University

The article analyzes crucial differences between the city and the countryside: quantitative and qualitative characteristics of the city and the countryside are surveyed; special attention is given to the fact that any settlement has temporal and spatial characteristics. The hallmark of the city is its length and a number of vertical lines. The author emphasizes a fundamental difference between physical

and social time, the latter being heterogeneous. Difference between "urban" and "rural" time is emphasized. The city and the countryside formed the attitude to astronomical, physical and social time in their own ways. City life is not determined by natural cycles but by its own rhythms. Spaces of various settlements exist according to their own time. City monuments are considered to fix social time. The city forms the attitude to the time as a specific structure.

Key words: *social time, astronomical and physical time, social space, city, rural settlements*

Человеческая цивилизация «намертво» увязана с оседлым образом жизни. Постепенно, в процессе развития социума, происходило изменение человеческих поселений от простых (первобытных стоянок) до сложных (город, мегаполис). При изучении городов исследователями [см.: 1–4] были выявлены количественные (концентрация населения и плотность застройки, концентрация производства и коммуникационные системы и пр.) и качественные признаки, позволяющие проводить различия между разнообразными стационарными населенными пунктами: сельские (село, деревня и т. п.) и городские (город, мегаполис) поселения. При всем многообразии характерных черт, присущих различным населенным пунктам, зачастую остаются без должного внимания такие их физические признаки, как пространство и время. Эти признаки имеют определенную специфическую особенность (их можно определить при помощи приборов – хронометров, линейных измерителей), отличающую их от иных критериев (особенно качественных), посредством которых происходит различение населенных пунктов на город и деревню.

Любой населенный пункт, независимо от количества проживающих в нем людей, имеет временную и пространственную характеристики. Последняя наиболее заметна, так как «вычленяется» из физических характеристик мира. Любой населенный пункт обладает протяженностью по горизонтали и по вертикали. Говоря о пространственных характеристиках населенных пунктов, чаще всего обращают внимание именно на наличие или отсутствие вертикалей в их пространстве. Протяженность и наличие «вертикалей» становятся одними из основных отличительных признаков, позволяющих подразделять населенные пункты на городские и сельские поселения. Именно наличие вертикальной доминанты является важным критерием ранжирования различного типа поселений. Город (ядро) фиксирует свое преимущество над сельской округой (периферией) различными способами, среди которых немаловажным является значительное количество «вертикалей». Так, для сельской местности нехарактерно многоэтажное строительство, а значимой вертикалью на селе традиционно являлась храмовая постройка, возвышающаяся над одно-, в лучшем случае двухэтажными строениями. При этом город концентрирует в своем пространстве значительное количество «вертика-

лей», представленных разнообразными многоэтажными постройками светского, религиозного и промышленно-технического назначения. Так, на территории небольшого, по современным меркам, Суздаля располагается, помимо кремля и светских построек, пять монастырей и около 20 церквей. Они и формируют городские «вертикали», посредством которых происходила визуальная фиксация подчинительного положения сельской территории городу [5].

Пространственный признак населенных пунктов по горизонтали не позволяет, в отличие от присутствия и распространенности «вертикалей», со значительной долей вероятности различать городские и сельские поселения. Особенно сложно приходится современному человеку, стремящемуся прикоснуться к аутентичности городов доиндустриального общества. Исторические города, сохранившиеся в границах доиндустриального этапа развития, сложно вписываются в современные представления о городе и его пространственных характеристиках, в первую очередь, вследствие именно своей протяженности в физическом пространстве. Так, в средневековой Руси Суздаль был одним из важных политических и экономических центров, и при этом город в XIX в. занимал всего 10 кв. км, с 1982 г. его площадь увеличилась до 15 кв. км, а его протяженность на данном этапе составляет: с севера на юг – 6 км, а с запада на восток – 4 км [6]. Иные центры средневековой Руси – Великий Новгород, Нижний Новгород, Владимир – хотя и потеряли свое былое политическое значение, однако остались экономическими центрами, что и определило их современные пространственные границы (Великий Новгород – 90 кв. км; Владимир – около 125 кв. км; Нижний Новгород – 411 кв. км) [7]. Но и эти города не входят в десятку крупнейших (с точки зрения занимаемых ими площадей) современных городов России [7]. Только «вертикаль» как пространственная характеристика продолжает оставаться критерием различия городского и сельского поселений, в то время как «горизонталь» оказалась не столь значимой, так как «титул» города носят весьма неоднородные по занимаемой ими площади населенные пункты.

Свою роль играла «вертикаль» и при разграничении села и деревни: в первом случае «вертикаль» (храмовая постройка) наблюдалась, во втором – отсутствовала. И при этом отличить село от деревни, используя «горизонталь» как

пространственную характеристику, невозможно, так как они могут занимать территории, одинаковые по площади.

Таким образом, именно «вертикаль» является значимой пространственной характеристикой при определении «титула» населенного пункта – «село» или «город». Город количеством своих вертикальных доминант заявляет о своем «главенстве» над примыкающими к нему аграрными территориями.

Любое пространство обладает горизонтальными и вертикальными характеристиками, которые воспринимаются различными биологическими видами, в том числе и видом *homo sapiens*, что позволяет различным живым существам достаточно успешно осваивать природно-географический ландшафт. Однако человеку этого оказалось мало, и он «придумал» время: первоначально фиксируя природные ритмы (день/ночь, времена года), что позволило ему выделить сутки, неделю, месяц, год; затем потребовалось более «дробное» исчисление времени (час, минута, секунда) посредством различных хронометров. Несмотря на то что хронометры фиксировали астрономическое и физическое время, его (время) следует рассматривать именно как специфический «продукт» социума. Он возникает на определенной стадии развития человеческого сообщества и вырабатывается в процессе социальных взаимодействий, возникших в обществе по поводу самого времени [8, с. 114, 116]. Именно специфика данного «продукта» и позволяет характеризовать физическое и астрономическое время как время социальное. Подобный взгляд на «реальное» время позволил П. Сорокину и Р. Мертону [8, с. 112] представить категорию «астрономического времени» лишь как одну из концепций времени. Подобный социологический взгляд на время разрешает не противопоставлять социальное время времени астрономическому и трактовать понятие времени максимально широко. Под социальным временем Т. А. Нестик предлагает понимать «общепринятые социальной группой представления о временных отношениях между культурно значимыми процессами и явлениями, закрепляемыми и воспроизводимыми культурными кодами в актах коммуникации» [9, с. 12]. Таким образом, концепция социального времени позволяет «оценивать» физическое, астрономическое время не как объективную реальность, а как один из возможных способов восприятия времени.

И хотя астрономическое/физическое время и рассматривается социологами как составная часть времени социального, следует учитывать их различные свойства. Одним из признаков физического времени является его непрерыв-

ность: оно продолжает «тикать», даже если отсутствует измерительный прибор. Физическое время фиксируется посредством различных измерительных приборов, что позволяет выделить такое его характерное свойство, как абсолютность. Для астрономического времени характерна цикличность: день сменяется ночью, затем снова наступает день и снова ночь; весна сменит зиму, лето – весну, осень – лето, а затем наступит снова зима, которая обязательно уступит свои права весне: природный цикл не подчиняется воле ни отдельного человека, каким бы могущественным бы он ни был, ни народам, какими бы «избранными» они себя ни считали. Законы природы неподвластны человеку, но их можно фиксировать посредством различных хронометров с большей или меньшей долей точности.

Социальное время обладает иными свойствами – относительностью и множественностью. Э. Дюркгейм подчеркивал, что «категория времени отображает ритмы деятельности социальной группы; представление о времени – это представление о социальном времени, общем для данного сообщества людей» [цит. по: 9, с. 12]. Следовательно, социальное время не одинаково у разных социальных групп и в разные социальные эпохи. Так, исследователи [8, с. 115] отмечают, что неделя, единица измерения, существующая с древнейших времен по настоящее время, в древнем мире определялась зачастую даже не природными факторами (например, фазами луны), а особенностями социальных отношений, присущих конкретной социальной группе. Ученые выделяют и еще одно специфическое свойство социального времени – ритмичность, ведь каждая социальная группа «с собственными связями общего, понятия всем ритма деятельности отсчитывает свое время соответственно своему поведению. Никакие сложные расчеты, основанные на математической прецизионности и точных астрономических наблюдениях, не нужны для синхронизации и координации социетального поведения» [8, с. 114]. Исследователи социального времени приходят к выводу, что оно – величина относительная. Объекты и события, фиксируемые социальным временем, уникальны для разных социальных групп, по-разному ими оцениваются в разные исторические периоды. Так, распад СССР и отказ от социализма позволили по-иному взглянуть на революционное прошлое страны: на белогвардейцев, представителей династии Романовых, красный террор и т. п. Одновременно с реабилитацией своего досоветского прошлого, которое теперь стало оцениваться как положительное, советская эпоха повсеместно подверглась поруганию и презрению.

Создавалось впечатление, что советское прошлое – это только террор (красный, сталинский) да эпоха застоя. Пятидесятилетие победы советского народа в Великой Отечественной войне прошло, по сути дела, незаметно. Лишь в последние годы, когда Россия осознала, что либеральная идеология влечет за собой лишь разрушения, происходит переоценка советского прошлого, в первую очередь, периода 1941–1945 гг., послевоенного времени – выявление той мощи народа, которая позволила, несмотря ни на какой террор, построить индустриально развитую страну, победить фашизм, восстановить разрушенное хозяйство, стать первыми в космосе. Сейчас Запад разделен на тех, кто приедет на 70-летие победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, и тех, кто демонстрирует свое пренебрежение к этой дате [см.: 10–13]. Можно предположить, что странам, которые участвовали в войне на стороне фашистской Германии, достаточно сложно воспринять победу СССР в 1945 г. как праздник (например, Финляндии, Румынии, Болгарии и др.). Однако и бывшие республики СССР далеко не однозначно относятся к данной дате (например, страны Прибалтики – бывшие прибалтийские республики СССР, официальный Киев). И получается, что **СОБЫТИЯ социального времени уникальны для каждой социальной группы**, что позволяет «утверждать о наличии взаимозависимости социального пространства и социального времени» [14, с. 137].

Социальное же время дискретно: в нем «перерывы» встречаются достаточно часто: например, после распада СССР формирование новой временной оси было направлено на восстановление преемственности с более ранним (дореволюционным) периодом. Но нельзя сказать, что при этом советский период был полностью исключен из «исторического времени» страны. Так, несомненно, годы Великой Отечественной войны остаются в социальной оси России.

Еще одна значимая характеристика социального времени, в корне отличающая его от времени физического, – это его «привязка» к модели времени, принятой в том или ином обществе. На современном этапе одновременно сосуществуют две базовые модели: линейная и циклическая. Восприятие времени как линейной модели содержит в себе идею необратимости, что, вероятно, связано с идеей непрерывности физического времени. Иллюстрацией такого восприятия социального времени является выражение Гераклита «нельзя дважды войти в одну и ту же реку» [15]. При этой модели повторение событий невозможно, хотя в циклической модели «вхождение в одну и ту же реку не единожды» может рассматриваться как норма.

При циклическом восприятии социальное время – это повторяющиеся циклы, что предполагает «возвращение к прошлому», хотя и в измененном виде. Так, рабство означает отсутствие у человека свободы в различных ее проявлениях [16]. Рабовладельческая эпоха прекратила свое существование в Европе в V в. н. э. Однако на современном этапе человечество столкнулось с новыми видами рабства, определенным образом отличающимися от «классического» и являющимися характеристикой определенного этапа развития человеческой цивилизации: достаточно часто поднимается вопрос о сексуальном рабстве, что предполагает насильственное удержание женщины и физическое насилие над ней для выполнения определенного рода услуг [17, 18].

Еще одним существенным различием физического и социального времени является измеримость. Если физическое время обладает количественными характеристиками, выражающимися в секундах, минутах, часах и т. п., то социальное время обладает дополнительными качественными характеристиками. Так, П. Сорокин и Р. Мертон указывали, что социальное время, «в отличие от времени в астрономии, обладает качествами, а не только количеством; эти качества производны от верований и обычаев группы, они также служат обнаружению ритмов, пульсаций, биений обществ, в которых найдены» [8, с. 116]. Именно неоднородность и неравномерность социального времени, выражаемого в разной значимости и насыщенности событиями различных временных интервалов, формируют его качественную составляющую. В кризисные периоды наблюдается, с социальной точки зрения, количественное «насыщение» событий, происходящих за относительно небольшой астрономический промежуток времени. В «спокойные» периоды такие события происходят в большие временные интервалы [19]. Именно качественное событийное насыщение социального времени определяет отношение людей к кризисным и спокойным периодам, а также последующее деление процесса развития социума на большие отрезки, получающие название «эпох» (например, «сталинская эпоха»).

О существовании качественных характеристик социального времени свидетельствуют и «референтные точки». «Социальное время отражает изменения, движение социальных феноменов в терминах других социальных феноменов, принятых за референтные точки» [8, с. 114]. Такими точками могут выступать и «крупные» (кризисные) периоды, и «малые» (конкретные календарные даты, праздники и т. п.). В любом случае эти точки имеют социальную основу, значимую либо для большой социальной

группы, либо для отдельного индивида. Социальная основа референтных точек делает их своеобразными маркерами, обозначающими социальное время. Следовательно, социальное время – это время символическое, а не эмпирическое [8, с. 117].

Каждая социальная группа обладает «собственным» социальным временем и занимает «собственное» социальное пространство, а значит, каждое социальное пространство предполагает определенные схемы и способы восприятия времени. Социальное время специфично для различных социальных пространств, которыми являются и разнообразные населенные пункты.

Следует отметить, что с точки зрения физического времени город и село, естественно, находятся в одной точке отсчета. Однако по-разному формируется отношение города и деревни к астрономическому времени. Сельское бытие и в индустриальном, и постиндустриальном обществе «привязано» к годовым циклам природы, полностью определяется сменой сезонов и светлым и темным временем суток. Соблюдение годового и суточного циклов в сельской местности является основой если не для процветания, то, как минимум, для достаточно сытого существования. Такие сельскохозяйственные работы, как сев и уборка, зачастую не вписываются в нормы трудового права, закрепляющего, в большинстве случаев, восьмичасовой рабочий день. Следовательно, деревенский житель, при всевозможной модернизации сельскохозяйственного производства, продолжает жить в определенном ритме, определяемом годовым и дневным циклами.

В городе также формируется собственное время, отличное от естественного суточного и годового циклов. У горожанина исчезает прямая зависимость в осуществлении той или иной деятельности от времени суток. Несомненно, большая часть жителей города активна днем, однако это не обусловлено необходимостью, вызванной зависимостью жизнедеятельности человека от суточного ритма природы, а определяется его местом в иерархической системе искусственно созданной среды обитания. Появляются специальности, требующие активности именно в темное время суток, например, ночные сторожа и др. В городе сформировался целый слой населения, чья деятельность совершенно не зависит от природно-погодного цикла. Особенно это стало характерно для индустриального и постиндустриального обществ, в которых появились целые отрасли промышленности с непрерывным циклом производств (например, литейное, химическое и другие производства, железнодорожный транспорт и т. п.).

Еще одно различие времени для разных типов поселений заключается в плавности его течения или определенной «рваности». Цикличность времени, присущая суточным и годовым циклам, обеспечивает спокойное течение и восприятие времени в сельских поселениях, так как с природой не поспоришь. Непосредственная включенность в ежегодно повторяющиеся в природе изменения формирует у человека образ кругового движения. И если в дохристианской Руси календарь строился на восприятии времени, формируемом астрономическими циклами и порядком сельскохозяйственных работ, то после принятия христианства произошло наложение «церковного календаря» на народный. При этом сезонный цикл работ не изменился, только теперь «маркерами» начала/окончания определенной сельскохозяйственной деятельности становятся христианские праздники (например, Медовый или Яблочный Спас). Последующее «присоединение» юлианского (светского) календаря в петровскую эпоху и переход на «новое время» после октябрьской революции 1917 г., что обусловило появления в России двух Новых годов, существенным образом не повлияло на привычный для земледельца природно-погодный цикл жизнедеятельности. Весь уклад бытия селянина определяется ритмически-пульсирующей жизнью природы, и как следствие, организационно-хозяйственные ритмы из года в год воспроизводят действия, определяемые сезонными колебаниями. В целом формируется определенная размерность жизни на селе: что бы ни происходило, а «придет время и рожь сеять». Годовой календарь, благодаря своей цикличности, формирует некую идеальную модель временного цикла, которому присущи рождение, расцвет, закат и умирание. Причем этот цикл способствует «тягучести» восприятия времени, так как все повторяется ежедневно (сутки, состоящие из утра, дня, вечера и ночи) и ежегодно (весна, лето, осень, зима). Формируется определенное представление о «жизни» мира, что задает и ритм человеческой жизни.

Невозможно изменение времени сева или сбора урожая, хотя в последнее время, благодаря селекции, техническому прогрессу, появилась возможность несколько скорректировать привычные для земледельца, сезонные ритмы из-за появления теплиц для выращивания овощей или увеличения светового режима для круглогодичного получения яиц. Однако в основном цикл сельскохозяйственных работ – сев и сбор урожая – неизменен несмотря на существенные изменения в агротехнике.

В городе же ритм жизни совершенно не согласуется с природно-погодным циклом. Город, что называется «живет круглосуточно», что

и формирует определенную «рваность» времени. Понятия «утро», «день», «вечер», «ночь» у представителей разных профессий подчас не совпадают. Работа на непрерывных производствах, то есть в три-четыре смены, не позволяет соотносить режим с «графиком» природного цикла, так как последняя смена начинается с двенадцати ночи и заканчивается рано утром, следовательно, время отдыха у этих работников приходится на светлое время суток. И таких профессий, где график работы не соответствует, а зачастую и противоречит природному циклу, в городе достаточно много: транспортники, телевизионщики, работники радио и т. п. Работа горожанина напрямую уже не связана с годовым природным циклом.

Следует согласиться с С. Ромашко [4], который отмечает, что пространство каждого населенного пункта живет по «своему» (собственному) времени, что и отличает город от иных населенных пунктов. Причем «городское» время и время «деревенское» существенным образом отличаются, хотя, если исходить из физических параметров времени, различий не наблюдается.

Социальное время в городе и сельской местности проявляется, как и время астрономическое, по-разному. В городе формируется собственный отсчет времени, уже не связанный с суточным и годовым циклами. Именно города имеют «точку отсчета» – время своего создания. Так, например, в древнем Риме, отсчет времени велся от его основания (*ab urbe condita* – «от основания Рима») [20], что позволило сформировать представления о Риме как «вечном городе» [4].

Поддержание временной оси на селе не требует значительных дополнительных вложений, так как весь цикл наблюдаем непосредственно, всегда история населенного пункта передается от старшего поколения младшему. Подобное сложно реализовать в городе, это требует видимости и осязаемости, что проявляется в необходимости создания своего рода «напоминалок» – памятников, которые фиксируют в пространстве города конкретную дату и событие, связанное с ней. Уже в античности осознается потребность в создании временной оси, на которой посредством материальных носителей (памятников) фиксируется отметка, связанная с определенной «вехой истории». Памятник позволяет «высветить» некое событие, которое является своеобразной

бусиной, нанизанной на нить бесчисленных лет, и тем самым зафиксировать время, цикличность которого задается самой природой. Материальный носитель как бы останавливает быстро бегущую череду лет, делая время по возможности осязаемым.

Фиксация событий на селе происходит путем некоего соотношения года и деревенского события, не имеющего материальной «привязки». Достаточно часто можно услышать из уст сельского жителя (особенно преклонных лет) приблизительно такую фразу: некое событие произошло на Красную горку, Иванов день и т. п. В этом случае не наблюдается «распрямления» времени, оно продолжает оставаться циклическим, поскольку «Красная горка» и т. п. повторяются из года в год. Это не позволяет «выпрямить» время, событие воспринимается как еще один штрих в череде круговорота либо природы, либо христианского года. Праздники становятся своеобразными узелками в годовом цикле, который имеет тенденцию повторяться. Однако череда событий так же скоротечна, как и человеческая жизнь, и она сохраняется лишь на памяти одного, максимум двух поколений, а затем, что называется, канет в Лету. Город же не может позволить себе столь беспечного отношения ко времени. Ритм и размеры города не предполагают возможности передачи значимой информации от человека к человеку. Событие должно получить свое материальное воплощение для того, чтобы остаться событием не одного человека или малой социальной группы, а всего города. Именно поэтому в городе появляется потребность в фиксации значимого явления путем возведения материального носителя (например, триумфальные арки, стелы, памятники и т. п.).

При этом временная характеристика позволяет рассматривать город как специфический конструкт. При сохранении хронологической конструкции, несмотря на катастрофические, подчас, разрушения, вызванные как стихийными бедствиями, так и нашествиями завоевателей, города вновь возрождаются, изменяя пространственные характеристики, сохраняя или получая новую топонимику. История городов древнего и средневекового мира показывает, что они не единожды подвергались существенным разрушениям и переходили в разряд «легендарных» (например, Троя), лишь когда исчезала временная ось, вокруг которой и формировалась пространственная структура.

Список литературы

1. Лебедева С. О. Город как социокультурное пространство // Известия ВолгГТУ. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. 2010. Вып. 8. № 9 (69). С. 29–32.
2. Парк Р. Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2000. № 3. С. 136–150.
3. Рейснер Л. И. Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада // Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен / под ред. Е. Г. Журавской, С. А. Панарина. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 7–44.

4. Ромашко С. Монумент – сувенир – улика: временная ось мегаполиса // Логос. 2002. № 3–4. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/08.pdf> (дата обращения: 12.11.2014).
5. Суздаль. URL: <http://suzdal.org.ru/architect.htm> (дата обращения: 25.03.2015).
6. Суздаль. URL: http://www.photosuzdal.ru/photos/suzdal_109013.htm (дата обращения: 25.03.2015).
7. Градотека. URL: <http://gradoteka.ru/city/vladimir/detail/obschee-o-gorode/ploschad-goroda> (дата обращения: 25.03.2015).
8. Сорокин П. А., Мертон Р. К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социс. 2004. № 6. С. 112–119.
9. Нестик Т. А. Социальное конструирование времени // Социс. 2003. № 8. С. 12.
10. Вести FM: друзья России познаются в Великой Победе // ВЕСТНИК. КАВКАЗ. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/material/125477> (дата обращения: 08.04.2015).
11. Довнар В. Нерентабельная победа. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraine/2012/05/08/978556.html> (дата обращения: 27.03.2015).
12. Мадсен: бойкот Западом празднования Дня Победы – насмешка над историей // РИА НОВОСТИ. URL: <http://ria.ru/world/20150326/1054531918.html> (дата обращения: 02.04.2015).
13. Президент Чехии подтвердил свое участие в праздновании 9 Мая в Москве // Трибуна. URL: <http://tribuna.ru/news/2015/03/30/64003/> (дата обращения: 09.04.2015).
14. Рекорд И. Г. Социальное время. Заметки об онтологии // Социс. 2006. № 7. С. 137.
15. Цитаты Гераклита. URL: <http://citaty-i-aforizmy.info/index.php/tsitaty-geraklita> (дата обращения: 23.03.2015).
16. Рабство. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8962/%D0%A0%D0%90%D0%91%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E (дата обращения: 14.11.2014).
17. В Британии скрывали массовые изнасилования детей из-за боязни прослыть расистами. URL: <http://bloknot.ru/vmire/v-britanii-skry-vali-massovy-e-iznasilovaniya-detej-iz-za-boyazni-proslyt-rasistami-111982.html> (дата обращения: 27.03.2015).
18. Правоохранители на границе в Одесской области задержали торговца людьми с живым товаром. URL: <http://trassae95.com/all/news/2012/10/06/pravoohraniteli-na-granice-v-odesskoj-oblasti-zaderzhali-torgovca-lyudjmi-s-zhivym-tovarem-3414.html> (дата обращения: 27.03.2015).
19. Зарубин А. Г. Социальное время и особенности его свойств в периоды общественно-политических кризисов. URL: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/zarubim_vremya.htm (дата обращения: 20.12.2014).
20. Ab urbe condita. URL: <http://latin-online.ru/tag/ab-urbe-condita-perevod-na-russkij/> (дата обращения: 23.03.2015).

© В. А. Парамонова

Ссылка для цитирования:

Парамонова В. А. Специфика восприятия времени и пространства жителями города и села // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский инженерно-строительный институт. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2015. № 1 (2). С. 38–44.

УДК 316

ИМИДЖ РЕГИОНА В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (на примере Астраханской области)

Ю. Г. Миронова

Астраханский государственный университет

В статье последовательно рассматриваются понятие имиджа региона, основные факторы его формирования, механизм и принципы конструирования имиджа территории, проанализированы условия, необходимые для укрепления его позитивной составляющей. Рассмотрена взаимосвязь имиджа региона и его оценки студенческой молодежью, выделены черты, влияющие на имидж Астраханской области. Основным источником информации являются официальные статистические данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Астраханской области и результаты социологического исследования, проведенного под руководством автора. В результате автор приходит к выводу, что положительный имидж региона выступает в качестве важного субъективного фактора, способного стимулировать интенсивное развитие территории и его миграционного потенциала.

Ключевые слова: имидж региона, социально-экономическое развитие, миграционное поведение, студенческая молодежь, население, уровень и качество жизни.

IMAGE OF THE REGION ACCORDING TO ASSESSMENTS BY THE STUDENT COMMUNITY (on the example of Astrakhan Region)

J. Mironova

Astrakhan State University

The article considers the notion of the image, the main factors determining its formation, a mechanism and principles of a region image formation. The author analyzes conditions for strengthening its positive component. The interrelation of the region image and its assessment by students' youth is considered; the features determining the image of Astrakhan region are surveyed. The main sources of information are official statistical data of the Territorial authority of the Federal State Statistics Service in Astrakhan region and the results of the sociological research conducted under the leadership of the author. The author concludes that positive image of the region acts as an important subjective factor stimulating rapid development of the territory and its migration potential.

Key words: image of the region, social and economic development, migration behavior, students' youth, population, standards and quality of life.